

МЕЖДУНАРОДНАЯ БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Понятие субъекта преступления терроризм

*Антипенко В.Ф.**

Анализ понятия субъекта преступления терроризм целесообразно проводить исходя из его общественной опасности, которая, в свою очередь, определяется значимостью для международного сообщества объекта, на который посягает терроризм.

Такой подход по мнению Ю.А. Решетова является нормативным, т.е. создающим юридические последствия в вопросе о субъектах международных преступлений и их ответственности¹.

Общий подход к определению понятия субъекта международного преступления в доктрине разработан достаточно глубоко и относит к таковым государства и физических лиц. Так, П.М. Курис пишет: «Особая общественная опасность деяний, называемых преступлениями против человечества, вызвала появление своеобразной правовой ситуации, когда одно и то же фактическое поведение рассматривается и в качестве международного преступления государства, порождающего международно-правовую ответственность последнего, и в качестве преступления против человечества, вызывающего уголовную ответственность физического лица, организовавшего и осуществившего указанные преступления»².

В настоящее время в доктрине международного права достаточно проработаны и прояснены, с одной стороны, вопросы международной

* Антипенко Владимир Федорович – к.ю.н., генерал-майор, заместитель руководителя Антитеррористического центра при СБ Украины.

¹ Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М.: Междунар. отношения, 1983. – С. 54.

² Курис П.М. Международные правонарушения и ответственность государства. – Вильнюс: Минтис, 1973. – С. 104.

уголовной ответственности физических лиц, а с другой – ответственность государств за международные правонарушения. Определение понятия субъекта международного преступления исходит из оценки соучастия индивида, но к ответственности и государства при совершении международных преступлений, с учетом ст. 6 Нюрнбергского военного трибунала. В этой статье указывается, что «руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений (т.е. преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности), несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана»³.

С учетом такого подхода к соучастию в международных преступлениях, в международном праве отразилась связь уголовной ответственности физических лиц с ролью в этих преступлениях самого государства.

Принцип соучастия физических лиц и органов государства в международных преступлениях в свете особо опасного характера этих деяний приобретает новое качество и служит основанием для определения санкций в отношении самого государства, превращающегося в преступное объединение лиц, степень и формы соучастия которых в его акциях различны, но которые отличаются преступной направленностью⁴.

Иными словами, в международном праве находит отражение подход, при котором субъектами международных преступлений считаются, прежде всего, государства, а также физические лица, выступающие от их имени и конкретно совершающие эти преступления⁵.

В область терроризма соотношение государства и индивидов, как возможных субъектов преступления выглядит неоднозначно. Приведенная выше формула субъекта международного преступления может быть применима лишь в отношении отдельных форм терроризма (например, государственного терроризма, хотя, впрочем, и это поня-

³ Ответственность за военные преступления и преступления против человечества: Сб. док. / Совет. организац. ком. по проведению Междунар. конф. по вопр. преследования нацист. преступников. – М., 1969. – С. 29.

⁴ Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М.: Международные отношения, 1983. – С. 58.

⁵ Дипломатический словарь. В 3 т. Т.2 / А.А. Громыко (гл. ред.) – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 592.

тие в международном праве точно не определено⁶, поскольку характерна дистанцированность государства от современного терроризма, во всяком случае, на официальном уровне. Подавляющее большинство террористических групп и движений не представляют официальные структуры или органы государства. В то же время эскалация террористической борьбы все более обнаруживает присутствие интересов государств и «спонсирование» ими тех или иных террористических группировок.

Сложные геополитические процессы, глобализация экономики и социальной жизни практически не оставляют шансов большинству государств остаться в стороне от влияния на них прямого или косвенного, террористических актов.

Заметим также, что в рамках полемики о «государственном терроризме» выделяются обстоятельства, указывающие на то, что существует деятельность государств, реакцией на которую все чаще являются террористические акты.

С другой стороны, именно государство, его политический режим, территориально-административное устройство, этно-национальная политика являются объектом основной массы современных террористических актов.

Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что террористическая борьба своим современным глобальным размахом обязана обострению противоречий между государствами, группами государств и, прежде всего, латентному характеру этого обострения противоречий. Поэтому, давая международно-правовую и уголовно-правовую характеристику терроризма, недопустимо обойти вниманием место и роль государства, несмотря на отсутствие его прямой связи с исполнителями террористических актов. Но следует ли из этого, что международная ответственность индивидов за терроризм невозможна в отсутствии их связи (прямой или косвенной) с государством? Отнюдь нет⁷.

Специфика оценки действий субъекта терроризма как международного преступления состоит в том, что, как правило, в акте терроризма отсутствует факт прямого соучастия, т.е. отношения физических лиц

⁶ Колосов Ю.М., Левитт Дж. М. Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом // Вне конфронтации. Международное право в период после холодной войны: Сб. ст. – М., 1996. – С. 157.

⁷ Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. – М.: Наука, 1969. – С. 306.

и государства не отражают государственную политику, как это характерно, скажем, для агрессии геноцида, апартеида и некоторых других международных преступлений. В этой связи весьма затруднительно идентифицировать ответственность индивидов и государства и сказать, что как субъекты терроризма они совершают преступления одинакового состава. Исключения в этом смысле могут составлять случаи, когда террористические группы организационно входят в государственные структуры субъектов международного права⁸.

Поскольку большинство актов современного терроризма, создающих угрозу международной жизни, связано с борьбой за самоопределение, национальное или территориальное освобождение, а также против секуляризации и доминирования западных ценностей (исламистский терроризм), говорить о том, что террористические группы в этих случаях действуют от имени государства, не приходится.

Ситуации, когда отдельные преступления международного характера совершаются лицами или группами лиц, не действующими от имени государства, в науке международного права не остались без внимания. Так, Д.Б. Левин допускал, что акты геноцида могут совершаться физическими лицами, а не органами государства. При этом государство несет ответственность только за непресечение таких актов, поскольку действия органов государства вменялись бы ему непосредственно⁹.

Сложнее обстоит дело с характеристикой субъекта преступления терроризма, когда весьма нехарактерной является прямая причастность государства к террористическим актам. Поскольку такие акты, согласно международному праву, не должны в принципе рассматриваться как деяния государства, последним приходится совместно бороться с терроризмом путем заключения специальных соглашений. Без таких соглашений террористы имеют возможность уходить от ответственности, а международное сообщество как бы развязывает руки террористам. На самом деле, как показывает анализ деятельности наиболее известных террористических групп и организаций, за спиной исполнителей террористических актов стоят заинтересованные государства или их представители. В историческом справочнике К.В. Жаринова

⁸ Международное право: Учеб. / Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Междунар. отношения, 1998. – С. 60, 61.

⁹ Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. – М.: Междунар. отношения, 1966. – С. 43.

«Терроризм и террористы» и в других источниках содержатся указания на государства, поддерживающие террористов¹⁰.

При всей очевидности наличия государственной поддержки терроризма квалифицировать государство в качестве субъекта терроризма по современному международному праву весьма затруднительно, тем более что это осложняется политическими отношениями и геополитической расстановкой сил. В этом состоит одна из многочисленных сложностей патового характера. Однако это только часть проблемы, к тому же не самая сложная, поскольку она принципиально разрешима, если согласиться с концепцией, предложенной Ю.А. Решетовым, о признании фактического соучастия государства в международных преступлениях, (например, в геноциде, наемничестве, разграблении культурных и исторических памятников и др.), при совершении которых роль государства можно истолковывать двусмысленно.

Дело в том, что в сферу действия международного уголовного права по разным причинам не попадает такой существенный элемент как совокупный субъект международного терроризма. К таковому можно было бы отнести государства, нарушающие международные обязательства по обеспечению права народов на самоопределение и независимость, что находит выражение в действиях государств по подчинению народов иностранному господству, военных действиях или репрессивных мерах, направленных против зависимых народов, в посягательствах на право народов свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами.

Поэтому, речь должна идти отнюдь не об эфемерном соучастии «подозреваемого» государства, а о конкретном совокупном субъекте терроризма, к которому, помимо исполнителей террористического акта, относилось бы нарушающее принципы и нормы международного права, касающиеся права наций на самоопределение, уважения территориальной целостности, экономической независимости, а также государство оказывающее финансовую или иную материальную поддержку силам, организующим противодействие этим нарушениям методом совершения террористических актов.

Такой совокупный субъект должен включать физических лиц, которые путем совершения террористических актов добиваются реализации права на самоопределение, независимость или же содействуют политике, направленной на нарушение права народов на самоопределение.

¹⁰ Жаринов К.В. Терроризм и террористы: Ист. справ. / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск: Харвест, 1999. – 604 с.

При этом следует иметь в виду, что современный терроризм предполагает наличие как минимум двух сторон, противоположность целей которых и противодействие друг другу очевидны, поскольку они и создают террористический конфликт. Этим терроризм как политика существенно отличается от террористического акта. Это – преступный способ достижения противоборствующими сторонами (либо одной из них) своих целей. На уровне отдельного террористического акта совсем не обязательно наличие противодействующей стороны, поскольку он совершается в отношении людей и материальных объектов, не имеющих непосредственной связи с конфликтом. Терроризм же в целом как международное социальное преступное явление (то есть как международное преступление) невозможен без участия в нем противоборствующих сторон.

Таким образом, рассматриваемый здесь элемент состава международного преступления терроризма мог бы определяться как субъект террористического конфликта. В таком понимании субъект терроризма объединяет, например, субъект акта агрессии и субъект акта терроризма, субъект акта геноцида и субъект акта терроризма, субъект акта нарушения международных правил торговли, партнерских взаимоотношений и субъект акта терроризма и т.п.

При подобном развитии конфликта цена неправомерных действий сторон – это терроризм, представляющий собой угрозу миру и международной безопасности. Ответственность за возникновение террористической ситуации и предполагает объединение противоборствующих сторон в один совокупный субъект. Другими словами, сам факт возникновения терроризма свидетельствует о причастности сторон к этому преступлению.

Таким образом, в терроризме присутствуют две (или более) противоборствующие стороны. Априори определять степени вины и ответственности каждой из них в таких случаях нет смысла, да это и невозможно. Важно, чтобы действия обеих сторон были подвергнуты международно-правовой оценке. Это позволит создать условия для вынесения объективных решений международными органами, обладающими соответствующей компетенцией.

Возникновение терроризма как последствия любого конфликта выступает столь серьезной доминантой, что складываются основания для внесения принципиальных изменений в международное право.

Возвращаясь к вопросу о сложном субъекте терроризма, следует заметить, что предложенный вариант, на первый взгляд, уязвим с точки зрения правовой оценки. Это осложняется тем очевидным обстоятельством, что оба составляющие сложного субъекта терроризма являются одновременно объектами посягательства в отношении друг друга. Ведь не без оснований, например, в израильско-палестинском конфликте обе стороны считают себя потерпевшими. В такой сложной ситуации, когда субъект преступления одновременно может быть отнесен к жертве, трактовка понятия терроризма сторонами может быть полностью противоположной, что влечет его дальнейшую эскалацию. Поэтому логичной была бы предлагаемая конструкция сложного субъекта, поскольку она явилась бы действенным механизмом, возлагающим ответственность на обе стороны. Эта конструкция могла бы предполагать и превентивную роль в плане предотвращения терроризма.

Можно возразить против такого подхода, утверждая, что подобные ситуации укладываются в иную правовую схему, где каждую из сторон следует рассматривать в качестве объекта преступления, а вопрос о субъекте терроризма просто не возникает.

Однако действия стороны, которая, скажем, нарушает право на самоопределение либо препятствует реализации этого права, не всегда могут квалифицироваться по существующему международному праву в качестве преступления.

И, наконец, что наиболее вероятно, действия указанной стороны могут квалифицироваться как международное правонарушение. В этом случае ответственность не будет соразмерной с последствиями деликта, т.е. возникновением терроризма.

Возможны возражения, связанные с тем, что при такой конструкции субъекта, когда ответственность как бы разделяется на две части, может возникнуть угроза активизации терроризма, поскольку у общест-венности каждой стороны появляются основания для снисходительности к террористам. Однако эти опасения необоснованны. Во-первых, деятельность многих членов террористических групп оправдывается ими сформировавшимся и укоренившимся в сознании образом врага (для исламистских террористов, например, – это США, Израиль, западные ценности и т.п.). Во-вторых, экстремистские политические движения, в том числе и выступающие под идейными лозунгами, открыто взяли на вооружение террористические методы борьбы, поэтому факторы нравственно-психологического порядка здесь

вряд ли могут быть действенны. В-третьих, террористическая борьба ведется с отобилизовыванием всех возможных ресурсов (в том числе использованием «камикадзе» и реальными угрозами применения средств массового уничтожения), и поэтому нет оснований предполагать какую-либо дополнительную активизацию террористов. И, наконец, следует рассчитывать на высокие потенциальные возможности международного сотрудничества в борьбе с терроризмом.

Международное право способно эффективно противодействовать терроризму лишь в том случае, если субъектом этого преступления оно определит в равной степени государство и физических лиц, которые посягают на право самоопределения народов, а также государство и физических лиц, которые противодействуют этим посягательствам террористическими методами.

Как отмечено выше, терроризм – это международное преступление, которому присуще противоборство сторон. Следовательно, рассматривая вопрос о субъекте преступления, который как бы образуется из двух составляющих, необходимо учитывать обе эти составляющие, т.е. противоборствующие стороны, принимая при этом во внимание, что каждая из сторон использует те способы борьбы, которые ей представляются наиболее эффективными и доступными.

Иными словами, субъект преступления здесь следует идентифицировать с субъектом противоборства и, исходя из принципа сложного соучастия, определять ответственность сторон. При таком подходе вопрос квалификации преступления и определения ответственности частично переносится и в сферу оценки правомерности применяемых методов борьбы. То есть, объективную сторону причин терроризма могут составлять акты агрессии, геноцида, а также, противодействие обретению независимости колониальными странами и народами.

Причастность государств и физических лиц к международным преступлениям еще в уставах Нюрнбергского и Токийского Международных Военных Трибуналов определялась с учетом степени опасности использовавшихся ими средств и способов борьбы. В.А. Василенко в связи с этим указывает, что эти определения «вполне применимы *mutatis mutandis* и в отношении государств, поскольку они были сформулированы на основе норм международного права, поставивших агрессивную войну вне закона и запретивших применение в вооруженной борьбе недозволенных средств и способов, в частности жестокое обращение с военнопленными и мирным населением»¹¹.

Понятие международного преступления терроризма могло бы определяться наличием элемента причастности к нему государства. При таком подходе международное право способно эффективно противодействовать современному терроризму. Международно-правовое воздействие на государство как таковое в сфере борьбы с терроризмом в настоящих условиях сводится к минимуму. Во-первых, потому что террористическая борьба во многих случаях как раз и объясняется стремлением народов к созданию своей государственности. Во-вторых, санкции в отношении государств, поддерживающих терроризм, в большинстве случаев не приносят должного результата.

Современный терроризм с участием государства трудно искоренить без воздействия международного права. На официальном уровне действия лево- и праворадикальных экстремистов всегда находили осуждение. Квалификация субъекта такого терроризма не представляет сложности. Она проецируется на исполнителей и иных физических лиц, организовавших и совершение террористических актов. При этом задача изобличения террористов облегчается тем, что в большинстве случаев плодекларированные экстремистскими организациями цели борьбы выглядят эфемерными, авантюрными. Такие террористические акты большинством специалистов квалифицируются как преступления международного характера, ибо не представляют угрозы для мира и международной безопасности и чаще всего подавляются с помощью правоохранительной системы государств.

Совершенно по-иному следует подходить к оценке субъекта терроризма, пользующегося поддержкой государств, а также широких слоев населения. Субъект такого терроризма неоднозначен по своим характеристикам, что создает определенные трудности для международно-правовой квалификации терроризма в целом.

Сложность состоит, прежде всего, в том, что, несмотря на тенденцию к расширительному толкованию понятия субъекта, затруднительно выявить конкретные государства и физические лица, являющиеся субъектами преступления.

На наш взгляд, определение субъекта терроризма, согласно которому таковым в основном является физическое лицо, в немалой степени способствовало эскалации этого международного преступления. С учетом такой оценки роли физического лица в составе субъекта тер-

¹¹ Василенко В.А. Ответственность государства за международные правонарушения. – К.: Вища шк., 1976. – С. 179.

роризма, многие национально-освободительные движения стали прибегать к террористическим методам. Сложилась вполне приемлемая для этих движений политико-правовая схема, когда благородные цели национального самоопределения ассоциируются с народом, а кровавые террористические акты, осуществляемые во имя достижения этих целей – с отдельными лицами или группами экстремистов.

Попытка исправления толкования чревата другой крайностью – обвинением в терроризме целых народов. Тем более, что конкретные исполнители скрываются от законности, а борьба с терроризмом путем привлечения к ответственности отдельных лиц или групп лиц становится делом малоэффективным. К этому добавляются сложности, связанные с получившим в последнее время значительное распространение использованием террористов-самоубийц¹².

Признание совокупного субъекта терроризма, призвано, с одной стороны, установить ответственность за это международное преступление как государств и физических лиц, препятствующих реализации права народов на самоопределение и других принципов и норм международного права, а с другой – лишить политические экстремистские движения аргументов, оправдывающих крайние террористические меры.

¹² О распространении террористических актов с участием самоубийц // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати): Ежемес. информ. бюл. / ВИНТИ. – М., 1999. – № 3. – С. 9-11; Шахиджаниян А. Люди – бомбы // Огонек. – 2002. – № 22. – С. 12-16.